
Андрей МАКАРОВ

СВОБОДА ДЛЯ МЕРТВЫХ

Рассказ

Стриженные на английский манер газоны участка раздражали унылой равномерностью. «Черт их знает, этих британцев, — подумал Марк, отводя глаза от квадратов яркой зелени, разделенных вымощенными плиткой дорожками, — почему им надо все по линейке выравнивать? И чем Европе обычная трава не угодила? Вот дуб стоит — самый обыкновенный, а сколько в нем правды! Ствол черно-коричневый, узловатые ветви, и листва к осени уже набирает охры. Любо-дорого. Под таким дубом что хочешь делать можно: и чай пить, и жену тискать, и вот картину писать. А на веранде, где каждый сантиметр строителями выверен, мольберт смотрится луноходом, по ошибке попавшим на Марс. Третий час ищу колорит, и никак... Может, в зеленый все перекрасить?»

— Дорогая! — крикнул он в дом. — Тебя не затруднит мне чаю налить?

— Потерпи! — раздалось в ответ. — Минут через двадцать.

Резкий женский голос и это вот вечное «потерпи»... Когда строилась дача, Марина прямо-таки бредила Туманным Альбионом. Они тогда съездили в отпуск в Лондон, прокатились по его предместьям, полюбовались «игрушечными» домиками с красными черепичными крышами и такими вот коротко стриженными газонами, на которых время от времени попадались застегнутые на все пуговицы джентльмены с трескучими газонокосилками.

— Смотри, какая прелесть! — щебетала Марина. — Ничего лишнего. Глаз отдыхает. Трава зимой и летом зеленая, кусты подстрижены, кирпич оранжевый, заборчик белый, крыша красная. А у нас?

— Может, у них поголовно зрение плохое? — высказал тогда предположение Марк, вызвав волну возмущения благоверной. — Может, им иначе трудно на участке ориентироваться? Да и вообще, мне эта Англия иногда напоминает коробку с кубиками. И коробка есть, и кубики красивые, но ничего особенного из них не сложишь.

— У нас зато сложили, — фыркала жена. — Куда ни глянь, везде свалка. На любой даче стандартный набор: сарай покосившийся, мангал ржавый и дом-барак с облупившейся краской по неровным доскам. Может, тебе такое нравится?! Нет уж, когда свою фазенду строить будем, то непременно в английском стиле. Глядишь, и сами на таком участке себя аристократами почувствуем. Окружение — оно ж облагораживает!

— Это-то зачем? — поинтересовался Марк. — Нам до настоящей аристократии как Москве до Рима.

— А я вот хочу! — парировала Марина. — Всегда мечтала выйти утром на веранду, сесть в изящное креслице за маленький ажурный столик, неспешно выпить чашечку

Андрей Викторович Макаров родился в 1976 году, образование высшее финансово-экономическое, второе образование МВА ВШМБ АНХ при Правительстве РФ. Автор романа «Дорога к Белому берегу» (2021). Живет в Москве.

кофе. Непременно с глазуньей, румяными тостами и хрустящим беконом! Как подлинная леди.

— Хм...

— А ты можешь рядом свой мольберт поставить и рисовать, как лорд Байрон! Я буду тебе приносить чай. На серебряном подносе. Настоящий, заварной, с бергамотом, «Эрл Грей» называется. Файв-о-клок.

— Байрон не рисовал. Он стихи писал.

— Может, у него просто веранды не было? Поэты — люди бедные. А была бы — живописью бы занимался. Лордам все позволено. Вон Черчилль и президентом был, и картины рисовал.

— Не президентом, премьер-министром.

— Не суть. Ты же меня понял.

Они еще некоторое время спорили, но Марк в конце концов сдавался. Да и какой нормальный мужик станет гасить в женщине страсть к порядку и хозяйству? Пусть себе развлекается. Лишь бы не мешала, не лезла с расспросами о бизнесе, не заставляла самолично руководить строительством, вникая в цены на плитуса и гвозди. Вот теперь и веранда есть, приложение к правильному газону, черт бы их побрал совсем. А ведь рядом, в нескольких метрах за забором, все настоящее — и цвета, и линии, и жизнь... Впрочем...

На стриженный газон опустился невесть откуда залетевший вяхирь. Не голубь какой-нибудь, не стриж, не дрозд, а именно вяхирь — серо-стальной крупный птиц с отливающей театрально-бутафорским золотом зеленой шеей.

«Полный комплект. Британская идиллия», — усмехнулся Марк и отвернулся, взглянув на свой холст. Там прозрачными мазками светлой охры были намечены контуры задуманной картины. Женская фигура в кресле стиля «барокко». Небрежная поза, фривольно наброшенная сорочка, сигарета в тонких пальцах, а в другой руке бокал с напитком. На коленях раскрытая книга. «Кич? — подумалось ему. — А вот и нет, господа британцы. Не угадали. Тут все дело во взгляде».

Взгляд сидящей женщины должен был перечеркнуть салонную слащавость антуража так, как полицейская лента перечеркивает пространство, отделяя его от места преступления. Все должно было проявиться в этом взгляде: ложь, равнодушие, похоть, дань традициям и готовность немедленно вернуться к самым низким, самым животным инстинктам. Такая вот задумка. Вместо надоевшей женщины-вамп — современная женщина-фейк. И не женщина даже — ловушка. Желанная, зовущая, готовая раскрыться при первом же прикосновении, а потом захлопнуться навсегда — насмерть...

Но взгляд не получался. Уже в который раз. Попытки написать этот сюжет Марк делал уже третий год, и неудавшимися эскизами с незаконченными лицами постепенно заполнялся дачный чердак. Иногда казалось — вот-вот, еще пара штрихов, но... Замысел умирал, а тот самый кич антуража нагло побеждал идею художника изо всех углов холста.

Марина поначалу пожимала плечами: «Чего тебе не хватает? Вон кресло получилось — как живое. И сорочка у нее модная. Я б такую хотела. И фигура как у меня...» Но постепенно процесс начал жену раздражать.

— Дорисуй ты хоть одну, в конце-то концов, — говорила она. — Над камином повесим. Место как раз есть. Все какая-то польза.

Марк не отвечал. Что ты им объяснишь, этим серо-стальным птичкам с зелено-золотыми шеями. Вон ходит одно такое по газону и желуди высматривает. Все из себя. Тоже, поди, аристократа изображает. Птичьего. Интересно, какое оно на вкус, если изловить да в духовке запечь?

Впрочем, картинка переменялась. В щель под забором, плющась и вытягиваясь, пролез наглый и разухабистый рыжий соседский кот, считавший их участок собственной колонией. Как и положено опытному колонизатору, он не только развлекался на поработанной территории, но и налаживал отношения с туземцами: Марина сперва орала на него благим матом, а потом привыкла находить по утрам на дорожке у крыльца трупки мышей и кротов. Видимо, по замыслу кота это должно было примирить владельцев участка с несанкционированными визитами.

На этот раз хищник о дипломатии не вспоминал. Вяхирь, беззаботно ковылявший по стриженной траве, был для кота добычей желанной — редким жирным трофеем. Такого в случае удачи полагалось сожрать целиком в одну харю с перьями и костями. Охотник быстро и пристально огляделся, заметил Марка, но счел, что тот доброму делу не помеха. Вяхирь — птичка залетная, бесхозная и права на человеческую защиту не имеет. «Я продолжу? — спросили желтые от жадности глаза. — Не против?»

Марк кивнул: «Валяй! Ату его!» Кот все понял и, припав к земле, изобразил из себя первый упавший лист осени. Медленно-медленно, в такт переваливающейся походке пернатого любителя желудей, рыжий убийца двинулся к своей цели.

«Черт бы побрал эти зеленые английские газоны! — подумал Марк. — И белые заборчики иже с ними! Англичанину на просторе неуютно. На просторе он либо воюет, либо интригует. А дома на острове ему подавай угол, определенность, традиции. Интересно, кстати, в России забором огораживают или куркуля жадного, или покойника. Зато у англосаксов вокруг живых заборчики, а на кладбищах камушки стоят, словно зубья дракона — если нужную могилку не нашел, можно у любой постоять. Без разницы. Свободны только мертвые... Живешь себе, золотишься, порхаешь, желуди собираешь, а сквозь твой забор уже пролез варварский кот и сейчас сожрет тебя с потрохами! Всю твою серо-зеленую стальную и золотую спесь. И как его потом называть? Освободителем?»

Вяхирь громко курлыкнул и увлеченно уткнулся клювом в траву. Кот тут же совершил очередное приближение к добыче. Прижимаясь, насколько возможно, к земле, он переместился к дубу и укрылся у его основания в густых кустиках земляники. Марк увидел, как солнечно пылают кошачьи глаза: «Животная хищная страсть. Живая, настоящая. Как добиться этой страсти на холсте? Чтобы правда проглянула изпод фейка?»

Кот готовился к финальному рывку, колеблясь всем телом, словно негр на протестантской молитве, когда за спиной у Марка корабельной рындойбрякнул звонкий голос жены, вышедшей из дома на веранду:

— Ваш чай, сэп!

Вяхирь перестал топтать газон и настороженно вытянул голову. Кот не медлил ни секунды. Резко оттолкнувшись от земли лапами, он стремительно бросил свое огненно-медное тело в сторону жертвы. Но... не достал. Сантиметра не хватило! Раздался громкий хлопок, сопровождавшийся свистом, и большая серо-стальная птица, расправив широкие крылья, невредимой взмыла высоко в воздух. В чистое, так сказать, голубое небо. На свободу. Кот разочарованно проводил пернатую скотину взглядом, нервно дернул хвостом и повернул голову в сторону Марины. Забыв опустить переднюю лапу, хищник оценивающе осмотрел женщину. Затем, видимо не найдя ничего достойного упрека, отвернулся...

— Облом, — озвучил пролетевшую мимо мысль кота Марк.

— Это ты о чем? Чай, что ль, не тот?

— Я не про чай. Добычу спугнула. Зверя без дичи оставила, — с досадой вздохнул Марк.

— Ну и правильно! Нечего тут охоту без лицензии устраивать! На моей территории! Мне еще только голубя дохлого на газоне не хватало. Вдобавок к мышам и кротам, — безапелляционным тоном английской королевы заявила супруга.

— Это не голубь, а вяхирь.

— Да какая разница. Один черт голубь. А ты нашел за кого переживать. Был бы еще этот котяра домашним, поняла бы, а то ведь приبلудный, на улице живет. Пусть спасибо говорит, что соседи попались добренькие, прикормили охламона, не дали зимой коньки отбросить. Вон вся шерсть в репьях, может, и лишайный, — брезгливо поморщилась Марина и добавила с вызовом: — А птичку красивенькую не жалко было бы?

— Не-а.

— Почему вдруг?

— Охота — дело природное. Кому повезло, тому повезло.

— А на мой взгляд, дело в принципе: если ты дармоед, то и нечего по участкам шляться. Ищи себе дичь в лесу.

— Так он тебе пользу приносит. Мышей вон душит.

— Я его на помощь не звала, — сдвинула брови Марина.

— Может, он тебя королевой считает, вот в качестве подношения мышей дохлых и оставляет, — усмехнулся Марк. — Кушай, дескать, Ваше Величество!

— Издеваешься? — английская королева внимательно оглядела своего принца-консорта. — Или гонишь, а я близко к сердцу принимаю?

— Мариш, — примирительно ответил Марк. — Я тут рисовать пытаюсь. Настрое-ние улавливаю. Мысли в кучу собираю. За природой наблюдаю. А ты вместе с кружкой чая целый диспут на тему о пользе домашних животных из дома мне вынесла. А может, тебе просто завидно? Не хватает? Так давай своего кота заведем. Будет у тебя личный фаворит, так сказать.

— Не поняла, — Марина уперла руки в бока. — Это ты на что намекаешь, а?! А вообще, если уж заводить живность, то надо что-нибудь престижное. Ротвейлера, например. Или чего там еще есть? Добермана. Или дога мраморного.

— А дога-то зачем? Здоровенный телок, да и не шибко умный, говорят... В отличие от кота.

— Все язвись?! — испепелила взглядом мужа Марина. — Ничего ты не понимаешь. Только представь: сидим мы вечером под вишней в цвету, как японцы, — чай пьем. Шампанское рядом, в ведерке со льдом, чтоб не остыло. Ну и виски тоже. Музыка играет романтическая — помнишь, ты мне всегда в ресторане Талькова заказывал, когда ухаживал? Эта, как ее? «Город, которого нет».

— Это не Тальков, а Корнелюк.

— А-а-а, да-да! И чего мне Тальков запомнился? Вот за что я тебя люблю, — Марина чмокнула мужа в затылок, — так это за то, что память у тебя хорошая. Ну вот. А у ног моих дог лежит — белый в крапинку. И у меня платье белое, в пол.

В кустах у забора зашуршало. Мелькнул рыжий хвост, и окончательно разочарованный кот, вымазав светлое брюхо землей, просочился под оградой наружу — к лесу.

— Марин, а может, пойдем в лес прогуляемся? Грибы пособираем... — спросил Марк, откладывая кисть и провожая гулящего охотника откровенно завистливым взглядом.

— Зачем?

— Ну, как сказать... Листва шелестит, солнышки светят, вяхири летают. Зайдем поглубже, найдем опушку какую, раскинем покрывальце, вспомним молодость... Я могу, кстати, и шампанское из холодильника прихватить. У нас там пара бутылок еще осталась.

- В смысле? Что вспомним?
- А как первый раз целовались... Ну и всякое такое...
- Угомонись! Какой лес? Тебе участка мало?
- Ну вот... А говоришь, что красоту любишь...
- Нашел красоту. Комаров кормить? И там всякие твари повсюду ползают: муравьи, пауки, клещи, да еще и такие, как ты, грибники, шастают.
- Когда это тебе мешало...
- Вспомнил. Мало ли что там было по молодости... Мне тогда муж нужен был. Умная женщина ради высокой цели все что угодно перенести может, — Марина горделиво вскинула подбородок и, прищурившись, взглянула на поселок. — А сейчас статус уже не тот — в кустах валяться. Спина потом болит, в трусах и бюстгальтере иголки сосновые... Тебя чем кровать не устраивает? Процесс тот же, а для свежего воздуха окно открой — на нем сетка от комаров. Романтика.
- Ага. И дог в самый раз. Пусть рядом сидит, наблюдает, — Марк опять повернулся к мольберту и сделал легкий мазок охрой, промурлыкав себе под нос: — «Мне до него последний шаг, и этот шаг длиннее жизни...»
- Что-то мне твое настроение не нравится, — Марина нахмурилась. — В кои веки выбрались вдвоем за город, а ты придираешься. Лесной романтики ему потребовалось. С комарами и мошками. На кота, что ль, насмотрелся? Давай вон рисуй свою картину. Хоть одну до конца докрась.
- Чего обозлилась-то?
- А как? В городе я и уборщица, и кухарка. Только тут могу немного отдохнуть от бытовухи, истинной леди побыть. Хороший дом, участок стриженный, муж художничает — все, как у белых людей. Ну что, купишь мне платье белое?
- Чтоб под вишней чай шампанским запивать? Как японцы?
- Хотя бы.
- Ну да... — Марк ухмыльнулся и голосом Абдуллы из «Белого солнца пустыни» произнес: — «Хорошая жена, хороший дом — что еще надо человеку, чтобы встретить старость...»
- А что тебя не устраивает? Может, ты собрался с баркаса уходить?
- Да как-то мне стареть пока вовсе не хочется. Ладно. Платье купим. Кстати, а чего у нас сегодня на обед запланировано? Может, курицу на гриле зажарим? Что не дозволено коту, то дозволено королям?
- Надоели твои грили. Смотайся в магазин по-скоренькому, привези рыбки. Я уху сварганю.
- Уху? — Марк разочарованно присвистнул. — Рыбный суп.
- А чем одно от другого отличается?
- Уха из того делается, что сам поймал. На костре. В котелке. С угольком...
- Вот сам и купи. А когда сварю, можешь себе в тарелку хоть весь вчерашний уголь засыпать.
- Марк пожал плечами.
- Рисовать, значит, надо заканчивать на сегодня? Эх, Марин, когда жить-то начнем? Все обустройстваемся...
- Интересно. — Марина снова «включила королеву». — И что ты предложишь? Бизнес кое-как, с детьми кое-как, картинку ни одну не дорисовал — весь чердак холстами завален, и все наполовину. Если б не я, тут бы по сей день вагончик стоял строительный. Скажи спасибо, что у нас в семье есть кому порядок навести.
- Хорошо. Давай не портить друг дружке нервы. День такой пригожий. Рыбки говоришь? Будет тебе рыба.

- То-то. Желания жены настоящий мужчина должен влет исполнять.
- А жена?
- Что?
- Как она насчет мужских желаний? Должна чего-то или как?
- Так не вопрос, исполним и твои желания. Только ты сначала условия надлежащие создай. Можешь с платья начать.
- Так за рыбой же надо ехать.
- Вот и езжай! Чего сидишь?!

Подходя к воротам, чтобы открыть их, Марк вдруг увидел, как в тени алеющей камины, у забора, сплошь обвитого щупальцами багряно пламенеющего девичьего винограда, знакомый рыжий кот по-гусарски лихо наладил отношения с невесть откуда взявшейся явно домашней кошкой. Ее ухоженная дымчато-серая шерстка блестела и лоснилась, словно норковый воротник дорогого пальто. Кот утробно урчал, впившись даме зубами в загривок, а прижимаемая к земле кошка содрогалась всем телом и смиренно мяукала.

«Вот пострел, и тут успел! Не получилось с вяхирем, так он взял и кошку оприходовал, с... поручик! Не везет в охоте, так повезет в любви! Хочешь большой и чистой любви, иди и бери... — удивился сцене Марк и во второй раз позавидовал коту. — Живет, как дышит. Страстно и без границ. А тебя, дорогой, ждет магазин, прямоугольной коробкой точно вписавшийся в прямой угол перекрестка. Ненавязчиво вписали в него и тебя...»

Поселок встретил Марка строгими высокими стальными заборами, из-за которых проглядывали прячущиеся от общества разномастные дома, одни с витиеватой нелепой лепниной на фасадах, античными портиками, фальшивыми колоннами, другие — в стиле немецких фахверков и альпийских шале, а третьи — обитые по советской дачной традиции крашеной или мореной вагонкой. У глухих ворот и калиток виднелись номера домовладений, и рядом с ними тут и там торчали таблички с надписями крупным шрифтом: «Осторожно, злая собака», «Ведется видеонаблюдение», «Объект находится под охраной».

«Реальность удела в геометрии жизни, — усмехнулся про себя Марк. — Чертово Евклидово пространство. Углы, углы, углы. Цивилизация прямых углов. Углов с номерами... Сплошная тавтология. И никакой индивидуальности. И лепнина не спасает. И когда мы начали менять кривые на прямые?! Цветущие луга на монотонные английские газоны? Дога мраморного ей подавай... Но торговля, даже типовая, как всегда, на виду. На углу».

Одну сторону одноэтажной новой стекляшки у главной дороги занимал сетевой супермаркет «Пятерочка», а в другой разместились аптека и рыбно-мясная лавка с неожиданным названием «Мясо-рыба». «А почему сначала „мясо“, а на конце „рыба“, а не наоборот? — бессмысленный вопрос почему-то заинтересовал Марка. — Хотя... рыба-то ближе к концу. Даже в домино „рыба“ — конец игре. Game over. Считай очки и не рыпайся! Даже если кости на руках еще есть... Не рыбайся...»

Заведовал лавкой молодой таджик. Рыбный отдел его магазинчика состоял из двух холодильных витрин. В первой за стеклом на стальных поддонах покоилось, холодно блестело чешуей разнообразное свежее и копченое. «Серебро и медь вместе, — подумал Марк. — С головой или без. Рыбы очи не смотрят на тебя. Они вообще уже никуда

не смотря. И ничего не отражают. Будто пустое стекло. Даже при жизни в них не было страсти. Это вам не желтые кошачьи глаза с пламенеющими наглыми помыслами...»

Во второй витрине в небольших пенопластовых лотках тушки продавались внарезку, соседствуя с прочими мелкими морепродуктами. Красиво все так уложено, ровными прямоугольными рядами. Таджик осклабился в обязательной улыбке, доволен собой. Прокуренные неровные зубы. Смотрит на тебя подобострастно, предательски преданно, крупными миндалевидными глазами, будто дворовый пес: «Добрый день, увашаемый. Выбирай, дорогой. Все свешее, о-о-о-очень вкусное! Хочешь, выбрать помогу?»

Над каждым лотком табличка с наименованием товара ярко-красными крупными буквами и ценой черным маленьким шрифтом. Чтобы понять, который лоток тебе нужен, требуется, как на погосте, внимательно вчитаться в надписи. «Интересно, чем руководствуются люди, когда заранее выбирают себе место на кладбище? Не все ли равно, где тебя закопают? Ничего ведь уже не чувствуешь... И какая разница, стриженный на английский манер газон над тобой или дикий цветущий луг? Если и помянут тебя через тысячу лет, то уж не из-за наличия или отсутствия блестящего полированного памятника, с газоном или без...»

Марк ткнул, как и просила Марина, в тушку трески и добавил морского окуня целиком с головой. «Приводом аплати, пожалуйста», — закивал продавец, подавая пакет.

Принимая из рук Марка рыбу, Марина вдруг замерла и как-то неловко вздрогнула. Что-то незримо переменялось в супруге. Дохнуло холодом стынущей реки.

— Что-то случилось? — робко спросила она, зябко поежившись.

— Да нет. Все хорошо, — ровным бесстрастным голосом молвил он. — Продукт подойдет?

— Вроде да, — ответила жена, вглядываясь в мужа. — Вот только ты какой-то не такой...

Марк посмотрел на Марину. Она снова вздрогнула.

— Замерзла, что ли? Хочешь, согрею?

Пламенное солнце вспыхнуло на мгновение в его глазах так же, как наемни у рыжего соседского кота, и тут же погасло, обернувшись ледяной пустотой.

— На второй этаж? — протянул он руку к жене.

— Ну, не сейчас, — отвела от себя она его руку и отстранилась. — Давай потом, позже. Мне белье развесить надо. А ты вроде картину собрался дописать...

— Как скажешь, — усмехнулся Марк и пошел к мольберту.

Ненаписанное женское лицо вопрошающе взирало на него с холста. Он взял тюбики с красным и желтым, выдавил из них на палитру понемногу краски, смешал ее и получившимся цветом вдруг резко мазнул по холсту. Жирная ярко-оранжевая линия перечеркнула намеченные глаза девушки.

— Марк, — услышал он вдруг вблизи голос жены, — я решила не варить уху. Сегодня уедем. Мама звонила. Она завтра с тетей Зиной на кладбище собралась. Бабушку навещать. Просит отвезти их.

— Чего это вдруг ей приспичило? Не годовщина вроде.

— Не знаю. Говорит, убраться перед зимой на могиле хочет, порядок навести.

— Так недавно же вроде ездила? Да и перед зимой зачем? Все равно все снегом заметет, по весне снова убираться. Напрасный труд.

— А черт ее знает. Вот хочется ей, — Марина взглянула на холст и оцепенела: — А ты зачем ей глаза оранжевым перечеркнул? Она у тебя рыжая, что ли, будет?

— Точно, рыжая, — ухмыльнулся Марк.

— Тебе теперь такие девушки нравятся? — подозрительно спросила Марина, с вызовом потряхнув темно-русые волосы.

Марк, не оглянувшись, промолчал.

Антрацитовая лента шестиполосного автобана прямой линией восходила к холму, на котором раскиданными кубиками торчали жилища с бордовыми крышами и сияли в лучах уходящего солнца заостренные шпили с золотыми крестами. Машины текли темным потоком в направлении города — ясные дни закончились, завтра будет мелкий морозящий дождь. Гидрометцентр, чтоб ему...

В багажнике белой «тойоты» в стальной кастрюле, плотно зажатой сумками, покоились посыпанные кусочками льда безголовая треска и морской окунь. Из динамиков авто для них низким бархатистым голосом пел Крис Ри:

And still I stand this very day
With a burning wish to fly away.
I'm still looking, looking for the summer¹.

Марина дремала, уронив голову на боковое стекло.

«Хороший был день... — подумалось Марку. — Но теперь и он уже в прошлом. Все тщетно... Выхода нет... Нет выхода. Есть только комната. С белым потолком. В доме, который построил ты. С видом на стриженный газон. И вечный файв-о-клок... Придет зима и заметет все это: газоны, кладбища, тебя... Кем ты себя вообразил? Художником? Но это такой же фейк, как и вся остальная твоя жизнь. Мертвый не может сотворить живое. Даже по-настоящему радоваться живому не может...»

Поморщившись, он придавил педаль газа, и стрелка спидометра преодолела сначала отметку в сто тридцать, а вскоре и сто пятьдесят километров в час. Марк был бесстрастен. «Тойота» уверенно держала трассу в крайней левой полосе. Он моргал дальним светом впереди идущим машинам, и те уступали дорогу. «Вот так... то-то же», — улыбался он себе.

— Марк, ты куда это разогнался?! Здесь же так нельзя! — вдруг воскликнула Марина, открыв глаза. — Езжай давай по правилам.

Марк молчал. «По правилам, говоришь». В его зрачках зажглись бесовские безуминки.

— Сбавь обороты, я тебе говорю. Опасно же. Ты, вообще-то, не один едешь, обо мне подумай, — прозвенел набатным колоколом голос Марины.

Он снял ногу с педали газа и затормозил. Тут же сзади в их машину на полном ходу влетел черный угловатый внедорожник. «Тойоту» швырнуло вперед, шваркнуло со скрежетом об отбойник и развернуло поперек трассы. По касательной ее задел желтый «фольксваген»-такси, а идущая за ним еврофура, споткнувшись об него, клюнула капотом, подпрыгнула и сложилась буквой «Г» — очередным углом в правописании жизни.

Марк успел лишь выдохнуть: «Черт...», как изумленный вскрик Марины прорезал отчаянный визг тормозов и огромный белоснежный полуприцеп рухнул на «тойоту», расплющив под своим весом капот и частично смяв салон автомобиля. Искоренный багажник «тойоты» от удара раскрылся, как взломанная раковина, и исторг

¹ «И я все еще нахожусь в том дне / Со жгучим желанием улететь. / Я все еще в поисках, в поисках лета» (англ.). Chris Rea. «Looking for the summer».

на шоссе все свое содержимое, включая кастрюлю с рыбой. Изотермические панели фуры треснули и разломились, словно льдины тающего, крошащегося айсберга, и исковерканную «тойоту» погребло под посыпавшимися оттуда бесчисленными свежеморожеными тушками рыбы.

Резкая боль ледяным острием пронзила Марка насквозь. «Ай!» — жалобно вскрикнул он и обмяк. Пришла невыразимая легкость. Он не чувствовал ничего, ни одной клетки своего тела, и только смотрел — смотрел тускнеющим зрением на то, что еще было доступно взгляду.

Чуть скосив глаза, он увидел жену, пристегнутую не обеспечившим безопасность ремнем и засыпанную по самое горло, словно серебром, сверкающей рыбой. Марина глядела куда-то мимо него немигающим стеклянным взглядом, а по ее шелковистой загорелой коже медленно сползали вниз, словно капли по запотевшему бокалу, крошечные льдинки.

«Как много рыб, а жизнь всего одна... — плеснулась мысль и стала затухать концентрическими кругами: — Осень... кот... вяхирь... мясо... рыба... Мясо-рыба... Рыба!!!» Желтые глаза с узкими вертикальными зрачками возникли перед ним без улыбки, задрожали и растворились в мутном тумане. Он взволнованно и часто задышал, пока тьма, нахлынувшая внезапно, словно цунами, не погрузила его в свои душные объятия, заставив смиренно прикрыть веки. Все погасло.

На полянку перед верандой, где еще несколько часов назад стоял мольберт Марка, вальяжно выбрался охристо-золотистый взъерошенный кот. Он остановился, принял позу своего египетского предка и, томно шурясь, взглянул в сторону полыхающего у горизонта сочно-апельсинового круга. Из его рта торчали пушком сизо-голубые перышки. «Какой аппетитный закат!» — казалось, подумал он. Рыжий бестий сладко зажмурился на мгновение, игнорируя безмолвный дом.

Ласковые лучи заката окрасили в розово-лиловые тона белесые стены, проникли сквозь витражные окна второго этажа и упали на незаконченное полотно на мольберте рядом с письменным столом. На холсте молодая девушка в тициановской сорочке с недописанным лицом, сидя на барочном ультрамариновом кресле, дымя сигаретой и держа в руке бокал с виски, склонилась над толстой солидной книгой с чистыми страницами. По ее глазам проходила резкая фактурная линия ярко-оранжевого цвета. Витрувианский человек безмолвно взирал на нее с репродукции на стене. Заключенный творцом одновременно в круг и в квадрат, он дважды простер в стороны руки и ноги и, казалось, никак не мог определиться. Рядом на столе на бежевом полотенце строго параллельно друг к другу были выложены на просушку промытые кисти. В следующий раз их должны были убрать в холщовый чехол.

Завтра будет серый, тусклый, но все же новый рассвет. Будет дождь. Обещали. Гидрометцентр, чтоб ему... Лист набрякший слетит. Но ни кот, ни вяхирь слезы не прольют. И рында не прозвонит.